

А.Г. Селезнев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
E-mail: seleznev@myttk.ru

Намогильные орнаментированные столбы тоболо-иртышских татар: некоторые направления исследования

Рассмотрено состояние изученности и перспективные направления исследования орнаментированных намогильных столбов тоболо-иртышских татар. Эти памятники получили распространение на кладбищах в населенных пунктах курдакско-саргатских и тобольских татар в северных районах Омской и южных районах Тюменской областей. В основу статьи положена информация, полученная в ходе изучения намогильных столбов на погребальных комплексах ряда деревень в Вагайском и Тобольском р-нах Тюменской обл. Изложены основные аспекты функционирования данного вида намогильных сооружений в погребальной обрядности: пространственная локализация в пределах погребального комплекса; технологические приемы изготовления; основные орнаментальные мотивы; символическо-семиотический статус времени года, в которое производилась установка столбов; сопутствующие современные и традиционные явления культуры. Относительно культурно-исторических аналогий и семантики рассматриваемых сооружений в разное время высказывались идеи возможных связей с коновязями, получившими распространение в культуре скотоводческих народов; и с намогильными столбами северных (тазовских) селькупов. В последнем случае в этот же ряд аналогий включаются намогильные столбы на протестантских кладбищах Венгрии. Выявлена семантическая основа разделения намогильных столбов тоболо-иртышских татар на мужские и женские. Первые символически представлены изображениями копья (стрелы), вторые – гребня, гребенки в верхней части столбов. Образы копья и гребня наполнены глубокой символикой и повсеместно связаны с мужским и женским началом соответственно. В заключение сделан вывод, что полномасштабное комплексное исследование кладбищ сибирских татар с орнаментированными намогильными столбами и по сей день остается актуальной научной задачей.

Ключевые слова: намогильные орнаментированные столбы, тоболо-иртышские татары, семантика, мужские и женские образы, Западная Сибирь.

A.G. Seleznev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk, Russia
E-mail: seleznev@myttk.ru

Ornamented On-grave Posts of the Tobol-Irtysh Tatars: Particular Research Areas

The current state of knowledge and promising areas of research into Tobol-Irtysh Tatar's ornamented on-grave posts are discussed. These monuments are typical for the cemeteries of Kourdak-Sargat and Tobol Tatar settlements in the northern Omsk and southern Tyumen regions. The author presents the data collected during the study of on-grave posts at the burial complexes of several villages in the Vagay and Tobol districts of the Tyumen region. The main characteristics of these gravestones in funeral rites are specified: spatial localization within the burial complex, manufacturing techniques, basic ornamental motifs, symbolic and semiotic status of the post building day, and accompanying modern and traditional cultural phenomena. The tethering posts of nomad-pastoral peoples and the gravestones posts of the northern (Taz) Selkups have been considered as the possible cultural, historical, and semantic parallels. The gravestones in Protestant cemeteries in Hungary can be considered as semantic parallels too. The semantic basis for dividing the tops of the Tobol-Irtysh Tatar on-grave posts into male and female versions is revealed. The male posts are symbolized by images of a spear (arrow), the female ones – by a comb. The images of a spear and a comb have deep symbolic connotations universally associated with the male and female principles respectively. The author believes that the full-scale comprehensive study of Siberian Tatar cemeteries with ornamented gravestones remains an urgent scientific task nowadays.

Keywords: Ornamented on-grave posts, Tobol-Irtysh Tatars, semantics, male and female images, Western Siberia.

Первая научная публикация, посвященная намогильным орнаментированным столбам тоболо-иртышских татар, увидела свет почти 45 лет назад [Богомолов, Томилов, 1980]. Статья была основана на полевых материалах, собранных у курдакско-саргатских татар (подгруппа тоболо-иртышских татар) в деревнях Саургачи и Лешаково Усть-Ишимского р-на Омской обл. Так в научный оборот была введена информация об одном из самых эффективных и ярких элементов погребальной обрядности, да и в целом традиционной культуры сибирских татар (рис. 1, 1). В последующие два десятилетия намогильные столбы тоболо-иртышских татар неоднократно становились предметом изучения И.В. Белича, Л.Т. Шаргородского, В.Б. Богомолова и других исследователей. На рубеже веков в течение ряда полевых сезонов исследование данного культурного феномена выполнялось сотрудниками этнографической экспедиции Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (ныне – Омская лаборатория ИАЭТ СО РАН). В работе принимали участие А.Г. Селезнев, В.В. Мерзликин, И.А. Селезнева, студенты этнографических практик и экспедиций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Ареал распространения кладбищ со столбами занимает не только северные районы Омской обл., но простирается далее вниз по течению Иртыша в южные районы Тюменской обл. – Вагайский, Тобольский и др. Здесь расселяются курдакско-саргатская и тобольская подгруппы тоболо-иртышских татар. Погребальные комплексы именно этой части ареала стали предметом нашего этнографического обследования. В ходе экспедиционных работ были осмотрены действующие кладбища в населенных пунктах: д. Юрты-Бегишевские, д. Ренчики, д. Салы, с. Карагай, д. Ишаир, д. Аллагулово, д. Еланка Вагайского р-на Тюменской обл. Погребальные комплексы с. Второвагай, д. Юрты-Супринские Вагайского р-на Тюменской обл., д. Устамак Тобольского р-на Тюменской обл. были обследованы более углубленно. Для каждого из этих кладбищ составлялся инструментальный план, фиксировались и описывались все без исключения видимые намогильные сооружения, предметы сопроводительного инвентаря, особенности топографии и т.д. Результаты частично были изложены в ряде кратких публикаций и в монографии [Селезнев, Селезнева, 2004, с. 39–44, 64–67, рис. 10–16]. В настоящей статье приводятся новые материалы и анализируются актуальные направления изучения рассматриваемого культурного феномена.

На всех перечисленных кладбищах были зафиксированы орнаментированные столбы (*баган*). Последнее в рамках одного погребения сочетались с другими намогильными сооружениями: прямоугольными или овальными в плане земляными насыпями, срубам с наклонными и прямыми стенками (*киртма*,

суккы, уй, ауле), деревянными или металлическими оградами. Количество столбов относительно общей численности могил на разных комплексах распределялось неравномерно. Так, на кладбище у с. Второвагай на 398 могил было зафиксировано 30 столбов; у д. Устамак это соотношение составляло 129 к 20, у д. Юрты-Супринские – 153 к 69. На некоторых комплексах данный вид намогильных сооружений встречался в единичных экземплярах.

Столбы устанавливались в изголовье умершего в углу или в средней части стенки (бревенчатой, дощатой, металлической) могильной ограды. В ряде случаев они монтировались непосредственно к стенке намогильного сруба. Надо отметить, что эти сооружения вполне могли сочетаться с современными элементами культуры, характерными для эпохи глобализации. Так, на деревянной или металлической ограде, а то и прямо на столбе, можно было увидеть фотографию умершего. Зафиксированы случаи, когда столб был установлен внутри сделанной на заказ металлической ограды, иногда вместе с изготовленным на специализированном предприятии стандартным каменным памятником. И все же в большинстве случаев сохраняется установка, что, наряду с могильными оградами, именно столбы являлись основными погребальными сооружениями, выполняющими функцию увековечения памяти о захороненных на местном кладбище людях.

Высота столбов составляла 180–350 см, изготавливались они из бревна, бруса или доски. По форме поперечного сечения эти сооружения различаются на округлые, подпрямоугольные (подквадратные) со скругленными углами и плоские. Первые две разновидности конструкций могут быть обозначены как бревенчатые, последняя – как дощатые (рис. 1, 2). При изготовлении столбов применялись профилировка, выемчатая и пропиленная резьба, огранка (снятие фасок), окрашивание и другие технические приемы. Резной орнамент украшал верхнюю часть. Он состоял из чередующихся призматических, цилиндрических, конических, сфероидных объемных фигур. Особенностью украшения отдельных столбов являлся зубчатый орнамент декоративных цилиндрических выступов. Часто вершина столба увенчивалась изображением полумесяца (рис. 1, 1–3). Столбы могли быть окрашены зеленой, синей, белой краской или проолифлены. В ряде случаев окрашивание становилось средством нанесения дополнительных орнаментальных мотивов. В то же время встречаются и неокрашенные столбы.

Высоким символично-семиотическим статусом характеризовалась дата возведения столбов. По сообщению информантов, на могилах людей, умерших зимой и ранней весной, столбы, как и срубные сооружения, ставили в специальный день поминовения предков – праздник *цым*. Календарно он был приурочен к окончанию ледохода и таянию снега и в разных деревнях проводился обычно в один из дней первой декады мая. В традиционном мировоззрении праздник симво-

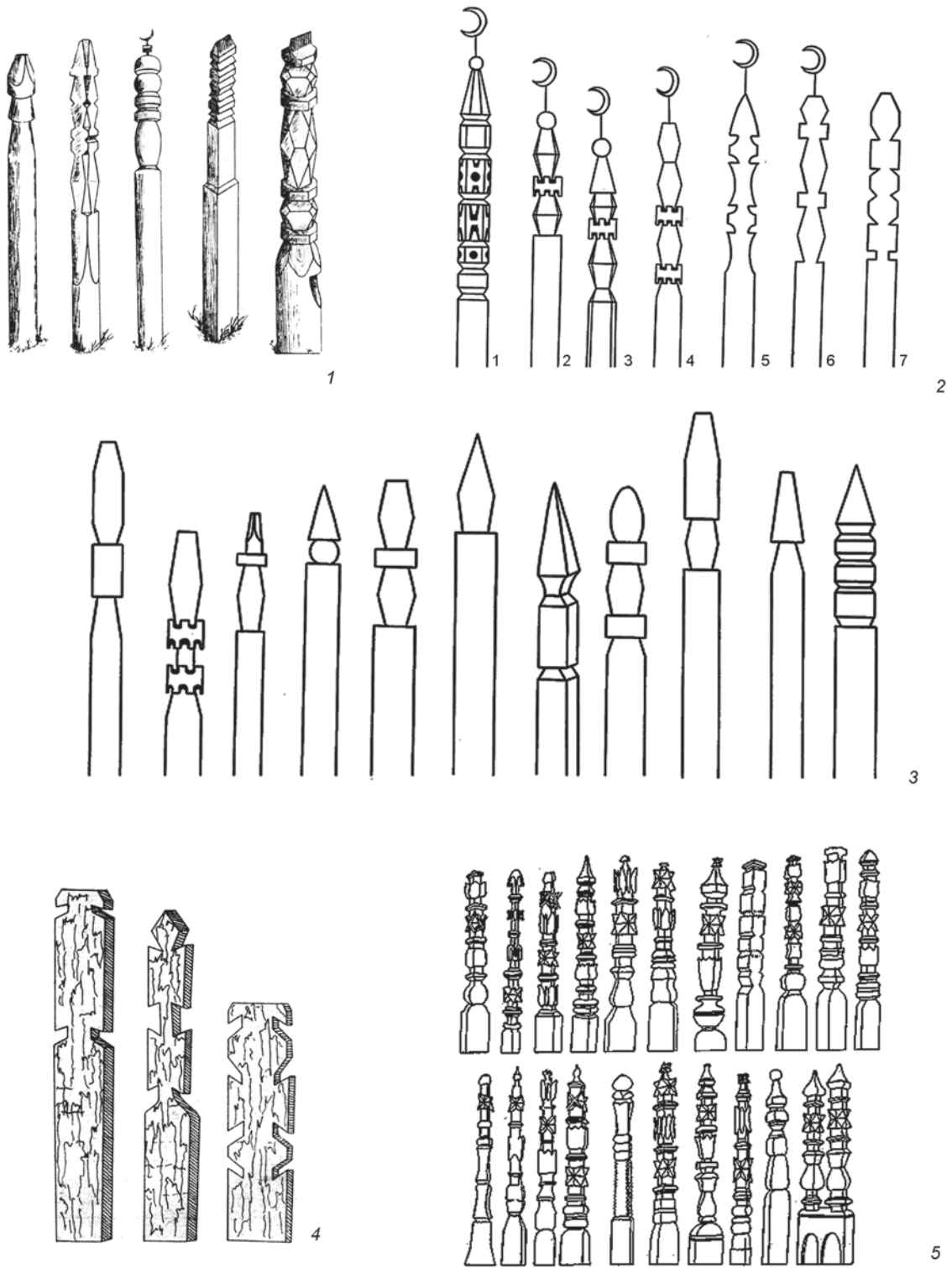

Рис. 1. Декор орнаментированных намогильных столбов (изображения схематичные, без соблюдения масштаба).

1 – кладбища д. Саургачи и д. Лешаково Усть-Ишимского р-на Омской обл., тоболо-иртышские татары (по: [Богомолов, Томилов, 1980]); 2 – кладбище д. Второвагай Вагайского р-на Тюменской обл., тоболо-иртышские татары (1–4 – округлые бревенчатые столбы, 5–7 – плоские дощатые столбы); 3 – кладбище д. Устамак Тобольского р-на Тюменской обл., тоболо-иртышские татары; 4 – кладбища в районе пос. Ратта Красноселькупского р-она Ямало-Ненецкого АО, северные (тазовские) селькупы (по: [Бауло, 1980]); 5 – венгерские кладбища (по: [Хоппал, Новак, 1977]).

лизировал весеннее пробуждение природы, сезонный переход от зимы к лету. В этот день мужчины поправляли могилы и воздвигали орнаментированные столбы и ограды на тех из них, что появились в предыдущие несколько месяцев. Здесь же проводились обрядовые действия с яйцами. Предварительно их красили в отваре луковой шелухи или древесной коры, а на кладбище съедали или раскладывали на могилах. Затем или прямо рядом с кладбищем, или по домам устраивалась трапеза и молитва-*катым* в память предков.

Вообще это время года было весьма насыщено ритуальными событиями. Через 2–3 дня после *цыма* в некоторых населенных пунктах совершался *таван* – коллективное паломничество к местным мусульманским святыням *астана*. В этой связи уместно отметить, что эти святыни-мавзолеи и захоронения с могильными столбами иногда находились на одних и тех же кладбищах. Такое сочетание ярких и очень значимых в духовной жизни местного мусульманского населения сакральных объектов мы наблюдали, в частности, на кладбищах у с. Карагай и в д. Еланка.

Традиция проведения погребально-поминальных церемоний именно в это время года известна с древности. Так, у древних тюрков ритуалы, связанные с погребением и поминовением, проводились весной или поздней осенью. Весна, утро, восток в их представлениях являлись точкой отсчета при создании мира и соотносились с началом пространства и времени. Ранее, в пазырыкскую эпоху, погребальные церемонии также совершались весной или поздней осенью. По этнографическим данным, на конец апреля – начало мая в Средней Азии приходился праздник *Сайил* (*Сайил байрам*), во время которого посещали могилы предков и местных «святых», а затем проводили праздничные застолья. Ранней весной, в период таяния снега и паводка в Туве освящали источник воды «*суг бажы дагыыр*». Обряд включал в себя паломничество к источнику, разжигание жертвенного огня, подвязывание ленточек на деревья и кустарники и т.п. [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 132–133].

Практически все исследователи, изучавшие намогильные столбы тоболо-иртышских татар, затрагивали вопросы их культурно-исторических аналогий и семантики. Данные сооружения рассматривались в качестве символического отражения широко распространенных, можно сказать универсальных, мифо-ритуальных категорий: Мирового дерева, дома умершего, вместилища его души и т.п.

Две конкретные идеи, высказанные по этой проблеме, заслуживают особого внимания. Первая сформировалась еще на раннем этапе изучения рассматриваемого культурного феномена. Ее суть в том, что намогильные столбы тоболо-иртышских татар внешне похожи на коновязи, получившие широкое распространение в степных скотоводческих или исторически с ними связанных культурах [Богомолов, Томилов, 1980, с. 159]. Соответственно, основные

анalogии обнаруживаются в культуре алтайцев, бурят, тувинцев, якутов, монголов. Практически повсеместно коновязи выполняют не только сугубо утилитарные функции, но и широко представлены в сакральном ритуально-символическом пространстве; они зачастую устанавливались на местах захоронений в качестве намогильных сооружений.

Вторая идея оформилась значительно позже, уже как реакция на наши публикации. О.Б. Степанова [2015, с. 159] отметила сходство между намогильными столбами тоболо-иртышских татар и аналогичными сооружениями на грунтовых погребениях северных (тазовских) селькупов. Столбы на селькупских кладбищах, так же как и на сибирско-татарских, были представлены в двух вариантах: уплощенные, изготовленные из доски или плахи, и цилиндрические, выполненные из бревна. Среди плоских выделяются декорированные резным орнаментом в виде серии геометрических фигур – ромбических, крестообразных, прямоугольных и т.д. (рис. 1, 4). Применялась техника простой пропильной резьбы. Функционально селькупские столбы (*поры-пот, олыль по, порый по, поты*) выступают в качестве опознавательных атрибутов могилы, портретно отображая умершего человека и его посмертную душу [Бауло, 1980, с. 188, рис. 6; Гемуев, Пелих, 1993, с. 300–304, рис. 9–11; Адаев, 2014, с. 111–116; Степанова, 2015, с. 157–160, 164–165]. Судя по археологическим материалам, в Средневековье ареал распространения намогильных столбов был шире и включал в себя погребальные комплексы южных групп селькупов. Здесь столбы-памятники, вероятно, олицетворяли каналы связи между мирами, по которым на небо поднимались души умерших [Ожередов, 2023, с. 130].

История с селькупскими параллелями имеет весьма заманчивое продолжение. Дело в том, что в уралистике давно обсуждается проблема историко-культурных и, возможно, генетических связей между намогильными столбами на селькупских кладбищах и аналогичными сооружениями на погребальных комплексах Венгрии. Соответственно, столбы с кладбищ сибирских татар могут рассматриваться в этом же ряду аналогий. Тем более, что в него включают и намогильные столбы-коновязи, в частности, знаменитые якутские *сэргэ* (см.: [Соколова, 2009, с. 461–466]).

В ходе специальных стажировок в различные венгерские научные и музейные учреждения при изучении литературы мы убедились, что постановка вопроса о таких соответствиях не лишена основания. В Венгрии намогильные сооружения в виде орнаментированных столбов с ярко выраженными навершиями устанавливались на протестантских кладбищах. Назывались они *fejfa* или *kopjafa* и характеризовались многогранной семантикой, которая включала в себя символы солнца, луны, копыя, лодки; кроме того, эти памятники зачастую имели антропоморфный облик (рис. 1, 5) [Хоппал, Новак, 1977,

с. 309–337; A Magyarország néprajza..., 1934, lk. 342–348; Balassa, Ortutay, 1974, p. 125–131, 636, fig. 225, b, d; Domanovszky, 1981, lk. 380–381; Hoppál, 1992, lk. 89–102; Kutvölgyi, 1982, lk. 96–99].

В целом для приведенных интерпретаций был характерен общий методологический подход: они, как правило, основывались на представлениях о столбе или даже о всех столбах в совокупности как о едином целостном объекте. Между тем данные сооружения не только обладают устойчивым набором общих признаков, но также характеризуются известной вариативностью, проявляющейся как на групповом (ареальном), так и индивидуальном уровнях.

Генерализирующей идеей, заложенной в намогильных столбах тоболо-иртышских татар, является вертикальность, устремленность от земли к небу. Кроме того, эти памятники несут на себе признаки антропоморфности. Декор некоторых плоских намогильных столбов кладбища у с. Второвагай состоял из выразительно профилированного островерхого навершия («голова»), а также плечиков подтреугольной формы, очень напоминающих изображения рук, проработанных в ритуальной деревянной скульптуре алтайцев [Иванов, 1979, рис. 90]. Нижняя часть столбов – тулово – снабжена подпрямоугольной подставкой, вероятно изображающей «ноги» (см. рис. 1, 2, 6).

Уже в первой публикации ее авторы В.Б. Богомолов и Н.А. Томилов [1980, с. 159] кратко отметили очень важную особенность намогильных столбов тоболо-иртышских татар, а именно то, что форма навершия различалась в зависимости от пола захороненного человека. Наши полевые материалы под-

твердили и дополнили эту информацию. Например, при обследовании кладбища у д. Юрты-Супринские выяснилось, что, по традиции, навершия столбов выполнены в двух формах: 1) островерхие, в виде четырехгранной пирамиды с вершиной, направленной вверх и несколько закругленными гранями, а также конусообразные (рис. 2); 2) уплощенные, лопатообразные, иногда завершающиеся в верхней части тремя-четырьмя заостренными выступами, образующими подобие короны (рис. 3). При опросе информантов удалось выявить семантику этих изображений. Первый вид навершия символизировал копье (*сунгы*) или стрелу (*ок*); столбы с такими вершинами устанавливались на мужских погребениях. Второй вид носил наименование *тарак* (гребень, гребенка) и являлся атрибутом женских могил. Аналогичная информация была получена и в других населенных пунктах.

Конечно, на практике данное правило выполнялось не строго; все зависело от технических возможностей, квалификации мастеров и т.п. Случались и довольно существенные трансформации, «размывание» традиции. Так, в с. Второвагай одни информанты сообщали, что столбы устанавливались только на мужских могилах, другие – что эти сооружения устраивались и на мужских, и на женских погребениях. В то же время, в других местах традиционные установки функционировали устойчиво. Например, на кладбище в д. Еланка мы видели столбы, на вершине которых были установлены фигуры в виде гребенки, изготовленные из жестяных пластин. Можно предположить, что по каким-то причинам (утрача соответствующих технологических навыков или отсутствие необходимого инструмента-

Рис. 2. Могила с орнаментированным столбом, навершие столба заостренное. Деревня Юрты-Супринские Вагайского р-на Тюменской обл. Фото А.Г. Селезнева.

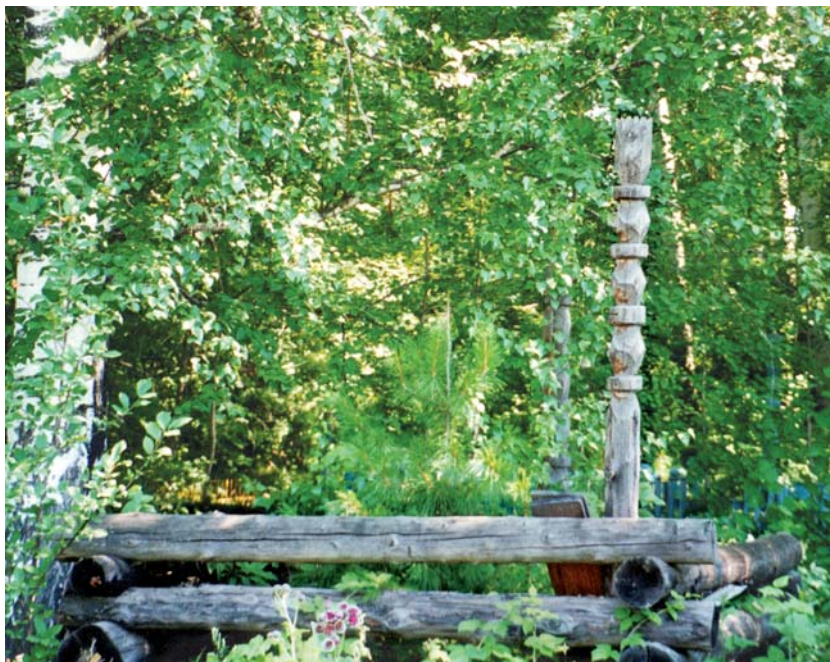

Рис. 3. Могила с орнаментированным столбом, наверху столба в форме гребенки. Деревня Юрты-Супринские Вагайского р-на Тюменской обл. Фото А.Г. Селезнева.

рия) изготовление деревянных наверху стало невозможным. Но традиционные нормы все-таки соблюдались и символическое изображение гребня (хоть и изготовленное из необычного материала) устраивалось на вершине намогильного столба.

Свойство намогильных сооружений маркировать пол захороненных распространено весьма широко, что открывает перспективы кросс-культурных сопоставлений. Так, на некоторых венгерских кладбищах на женских и мужских захоронениях намогильные столбы различались по форме наверху. В число женских знаков входили изображения «маленькой короны» и двойного пучка волос, в чем, конечно, нельзя не увидеть семантической связи с мотивом расчесывания гребнем. В то же время на ряде венгерских погребальных комплексов наверху столбов обозначали древко копья. Уместно напомнить в этой связи и выразительное наименование особой разновидности таких намогильных сооружений – *korjafa* [Хоппал, Новак, 1977, с. 314–315, 319, 325, рис. 4, 10]. Это же свойство было характерно для намогильных сооружений северных селькупов: над мужскими, женскими и детскими захоронениями столбы различались по высоте. Есть основания полагать, что плоские по форме намогильные столбы селькупов также делились на мужские и женские [Адаев, 2014, с. 111].

Глубоким символизмом наполнены образы копья (стрелы) и гребня. Подробная сводка по этой проблеме опубликована в книге «Сибирский ислам...» [Селезнев, Селезнева, 2004, с. 42–44]. Копье, стрела, вообще все острое в разных культурах последовательно

сопрягаются с мужским началом. Остроголовость – характерная черта ритуальной скульптуры народов уральской языковой семьи. Например, скульптурные образы лесных духов-великанов *менкво*, представленные на мансийских святилищах, различаются по форме головы. Для мужских деревянных изваяний характерна остроголовость, для женских – округлость [Бауло, 2013, с. 54–56, 204]. Остроголовость образа мансийского *Мис-хума* и других персонажей пантеона связывается с оружием – шлемами сфероконической формы, боевыми полумасками, налобными бляхами – и оценивается как символическое отражение принадлежности к военно-богатырской прослойке.

Уже после выхода наших работ была опубликована книга И.Б. Барышева, посвященная культовой скульптуре на средневековых и ненецких святилищах XVII–XX вв. о-ва Вайгач. Важная морфологическая особенность местных скульптурных изображений – их остроголовость. Опираясь на наши данные, относящиеся к намогильным столбам тоболо-иртышских татар, и сравнительные материалы у групп уральской языковой семьи, автор выявляет семантику этих сакральных образов. Специально отмечается мужская и воинская символика остроголовых изваяний [Барышев, 2011, с. 184–187].

Что касается образа стрелы, с которым, так же как и с копьем, ассоциируются заостренные наверху намогильных столбов, то его символика была всесторонне рассмотрена в специальной работе Ю.И. Ожередова [1999, с. 103–116]. Начиная с искусства эпохи палеолита, стрелы и стреловидные знаки трактуются

как мужские символы. В разных культурах стрела была связана с фаллическим культом, соотносилась с активным оплодотворяющим мужским началом. Стрелы широко представлены в погребальной обрядности, в т.ч. и в форме вертикально установленных знаков в/на могилах.

Семантика гребня, гребенки, напротив, отчетливо связана с миром женщин. В разных культурах гребень символизирует женскую и эротическую стихию, является атрибутом женских мифологических персонажей: русалок, «лешачих», Бабы Яги, пермячкой шишиги, хозяйки-матери воды *су анасы* казанских татар, лесной хозяйки (*тицин, пичен*, или *урман иясе*) разных групп сибирских татар, *су иясе* (водяной хозяйки) тобольских татар, богини-матери Умай (Май-ана) в алтайской мифологии, золотоволосой девушки Алтаншаш и демонической женщины Албасты в казахском фольклоре и т.д. Ритуал расчесывания невесты являлся важным этапом свадебной церемонии, кроме того, гребень входил в состав ее брачного дара. Гребень клали в могилы, разумеется в женские захоронения, как это имело место, например, у закамских зырян. И, что особенно интересно в контексте рассматриваемого в настоящей работе материала, изображения гребней есть на резных каменных стелах XV–XIX вв., установленных на женских захоронениях в Дагестане [Кондратьева, 2011, с. 204–219; Селезнев, Селезнева, 2004, с. 43–44].

Орнаментированные надмогильные столбы – один из наиболее ярких и сложных феноменов народной культуры сибирских татар. Несомненно, его изучение возможно на основе междисциплинарного подхода. Несмотря на усилия ряда исследователей и реализацию перспективных идей, полномасштабное комплексное исследование кладбищ сибирских татар с орнаментированными надмогильными столбами и по сей день остается актуальной научной задачей.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

Список литературы

Адаев В.Н. Варианты захоронений и типы надмогильных конструкций у верхнетазовских селькупов (по материалам этнографических исследований 2013 г.) // *Ab origine: археолого-этнографический сб. Тюменского государственного университета*. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. – Вып. 6. – С. 104–122.

Барышев И.Б. Языческие святилища острова Вайгач. – М: Ин-т Наследия, 2011. – 320 с.

Бауло А.В. Типы надмогильных сооружений у селькупов // *Этнография Северной Азии*. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 185–190.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. – 208 с.

Богомолов В.Б., Томилов Н.А. Надмогильные сооружения тевризских татар // *Археология Прииртышья*. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 153–160.

Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности селькупов // *Acta Ethnographica Hungarica*. – 1993. – № 38 (1–3). – С. 287–308.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар: XVIII – первая четверть XX в. – Л.: Наука, 1979. – 194 с.

Кондратьева О.А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси–России: археологические и этнографические очерки. – СПб.: РЭМ, 2011. – 244 с.

Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // *Приобье глазами археологов и этнографов: Мат-лы и исследования к «Энциклопедии Томской области»*. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – С. 77–119.

Ожередов Ю.И. Репрезентативные элементы погребального комплекса локальной группы южных палеоселькупов шиешгула // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2023. – № 497. – С. 125–133.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 72 с.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: ИД Марджани, 2009. – 216 с.

Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. – М.: Наука, 2009. – 755 с.

Степанова О.Б. Традиционные наземные погребальные сооружения северных селькупов // *ЭО*. – 2015. – № 4. – С. 151–168.

Хоппал М., Новак Л. Венгерские надмогильные памятники (этносемиотический анализ) // *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 1977. – Т. 26 (3–4). – С. 309–337.

A Magyarság néprajza. 2. A magyarság tárgyi néprajza. – Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1934. – 444 lk.

Balassa I., Ortutay G. Hungarian Ethnography and Folklore. – Budapest: Corvina Kiado, 1974. – 818 p.

Domanovszky Gy. A magyar nép diszitőművészete. – Budapest: Akadémiai Kiado, 1981. – 397 lk.

Hoppál M. Etnoszemiotika. – Debrecen: Kossuth Lajos Tudományegyetem Néprajzi Tanszék, 1992. – 199 lk.

Kutvölgyi M. Magos a rutafa: felföldi magyar famunkák. – Budapest: Helikon, 1982. – 142 lk.

References

A Magyarság néprajza. 2. A magyarság tárgyi néprajza. Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1934. 444 lk.

Adaev V.N. Varianty zakhoronenii i tipy namogil'nykh konstrukttsii u verkhnetazovskikh sel'kupov (po materialam etnograficheskikh issledovaniy 2013 g.). In *Ab origine: arkhologo-etnograficheskii sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tyumen': Tyumen' State University Press, 2014. Is. 6. P. 104–122. (In Russ.).

Balassa I., Ortutay G. Hungarian Ethnography and Folklore. Budapest: Corvina Kiado, 1974. 818 p.

Baryshev I.B. Yazycheskie svyatilishcha ostrova Vaigach. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2011. 320 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Tipy nadmogil'nykh sooruzhenii u sel'kupov. In *Etnografiya Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1980. P. 185–190. (In Russ.).

Baulo A.V. Svyashchennye mesta i atributy severnykh mansi v nachale XXI veka: Etnograficheskii al'bom. Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Basko, 2013. 208 p. (In Russ.).

Bogomolov V.B., Tomilov N.A. Nadmogil'nye sooruzheniya tevrizskikh tatar. In *Arkheologiya Priirtysh'ya*. Tomsk: Tomsk State University Press, 1980. P. 153–160. (In Russ.).

Domanovszky Gy. A magyar nép diszitömvészete. Budapest: Akademiai Kiado, 1981. 397 lk.

Gemuev I.N., Pelikh G.I. O pogrebal'noi obriadnosti sel'kupov. *Acta Ethnographica Hungarica*, 1993. No. 38 (1–3). P. 287–308. (In Russ.).

Hoppal M., Novak L. Vengerskie namogil'nye pamyatniki (etnosemioticheskii analiz). In *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1977. Vol. 26 (3–4). P. 309–337. (In Russ.).

Hoppál M. Etnozemiotika. Debrecen: Kossuth Lajos Tudományegyetem Néprajzi Tanszék, 1992. 199 lk.

Ivanov S.V. Skul'ptura altaitsev, khakasov i sibirskikh tatar: XVIII – pervaya chetvert' XX v. Leningrad: Nauka, 1979. 194 p. (In Russ.).

Kondrat'eva O.A. Grebni IX–XIX vv. v bytu, obryadakh, fol'klore, remesle i khudozhestvennom tvorchestve Drevnei Rusi – Rossii: arkhologicheskie i etnograficheskie ocherki. St. Petersburg: REM, 2011. 244 p. (In Russ.).

Kutvölgyi M. Magos a rutafa: felföldi magyar famunkák. Budapest: Helikon, 1982. 142 lk.

Ozheredov Y.I. Sakral'nye strely yuzhnykh sel'kupov. In *Priob'e glazami arkhelogoov i etnografov: Materialy i issledovaniya k "Entsiklopedii Tomskoi oblasti"*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1999. P. 77–119. (In Russ.).

Ozheredov Y.I. Representative elements of the burial complex of the Shieshgul, a local group of southern Paleo-Selkups. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023. No. 497. P. 125–133. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Sibirskii islam: regional'nyi variant religioznogo sinkretizma. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 72 p. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo. Moscow: Mardzhani Publ. House, 2009. 216 p. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Khanty i mansi. Vzgl'yad iz XXI veka. Moscow: Nauka, 2009. 755 p. (In Russ.).

Stepanova O.B. Traditional Sepulchral Constructions of the Northern Selkup. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015. No. 4. P. 151–168. (In Russ.).

Селезнев А.Г. <https://orcid.org/0000-0001-6096-7190>

Дата сдачи рукописи: 22.09.2024 г.